

интервью мая 1994

фото В. Голованова

В.Г.: Я хотел бы поговорить о времени. Может быть, о прошлом. У "Акваариума" огромное прошлое, даже пластинки идут в серии "История Акваариума". Вот: не мешает ли история жить?

Б.Г.: Нет, абсолютно. То, что мы делаем сейчас, истории не имеет. А музыка как была, так она и есть. В принципе, ничего не изменилось. Мы занимались тем, чем хотели заниматься, и продолжаем делать то же самое.

В.Г.: Не если говорить не о прошлом, а о будущем — что ты чувствуешь? В 86-м году у тебя была идея получить возможность работать, придумать штук восемь альбомов. Примерно столько и вышло. Оно получилось — так или иначе, но получилось. Что тебе хочется сейчас?

Б.Г.: Когда я говорил о восьми альбомах, я и представить себе не мог, что мы будем делать. Потому что не представлял себе, что буду заниматься такими вещами, как "Русский альбом" и "Кострома — мон амур". Теперь мы заканчиваем с этим и будем заниматься странными вещами, свя-

остальное время ездить из Южно-Сахалинска в Самару или из Нижнего Новгорода в Вятку. Мы сыграли все-таки 200 концертов.

В.Г.: Эти три года чему-то научили тебя?

а не с подпольными проблемами.

С.К.: По поводу Б.Иноу и по поводу культа. У нас напечатано коротенькое эссе Иноу о советской рок-музыке. Там есть замечательная мысль: русский рок делают рассказчики... дескать, страна такая, запрещали писателей... И главное качество русского языка — рассказчиество. Поэтому вот и рок сделали рассказчики. Он рассказчиество выдвигает как тенденцию русского развития.

Б.Г.: Иноу мастер теорий.
С.К.: Он, конечно, это все говорил по поводу "Звуков Му", впрямую их не называя...

Б.Г.: Я думаю, что мы-то рассказчиками не были никогда, да и похоже, если так подумать, то вряд ли и "Машина времени" рассказчики: не подходит к ним это...

С.К.: А мне как-то по душе это определение. Если пытаться определить место нашей рок-музыки в пространстве мировой музыки, то ей достанется роль рассказчицы. Иноу мечтает создать заповедник, где можно было бы собирать рассказчиков и вести прекрасные разговоры о природе времени, о смысле вещей...

числю людей, за которыми я слежу, чей новый альбом для меня подарок. Джемгера, "Stones". Я Джемгера люблю опять очень сильно после того, как посмотрел фильм, не помню, как он называется, где он играет шефа секретной полиции. "Red Hot Chili Peppers" меня заставляют слушать, соратники по группе. Олег начал к этому ролику приколослся. Я начал слушать и понял, что здесь гораздо больше есть, чем мне думалось. Они хорошие.

А что еще можно слушать?
С.К.: А тексты?

Б.Г.: Тексты меня не волнуют. Я в тексты начинаю вслушиваться, когда мне очень понравилась вещь. Так понравилась, что хочется посмотреть: а что там такое? Мне главное — ощущение. С Томом Петти у меня нет проблем, потому что он настолько... идентично совпадает с тем, что я считаю, должно быть — что он просто выбился у меня за последние два года в полные, абсолютные герои. С 90-го года, как я впервые его в Лондоне услышал, и познакомился с ним, и понял, что это — да.

С.К.: Есть ли ощущение — куда, в какую сторону движется современная музыка? Или все разбре-

замечательно, не разгадаешь — так прости.

В.Г.: А молодые музыканты идут к тебе?

Б.Г.: Идут все время, и я не знаю, куда от них деваться. Я получаю кассеты со всех концов Союза бывшего, которые дальше половины первой песни прослушать не могу: мне становится скучно. Хорошего я в этом ни разу ничего не слышал. Ни разу. За десять лет слушания этих кассет.

В.Г.: А что там?

Б.Г.: Песни такие, под "Акваариум".
В.Г.: В прошлый раз, когда мы разговаривали с Игорем Мальцевым, дело кончилось тем, что ты сказал ему, что он Геббельс и что Геббельс — в том смысле, наверное, что журналисты могут попытаться управлять человеком, с которым ведут беседу. Попытаться вогнать его в свою концепцию. Мы задаем вопросы. Если бы мы не задавали вопросов, были бы вещи, о которых тебе обязательно хотелось бы сказать?

Б.Г.: Не-а. Потому что все, что мы хотели сказать, — оно на пластинках и на сцене. И я испытываю сейчас огромную радость не радости, облегчение не облегчение — от того, что закончили, наконец, огромный кусок жизни. Мы все сказали. Мы начали праздновать. Теперь что-то новое будем начинать.

С.К.: Я однажды в Лаосе понял: мир круглый. Я свободен. Я сейчас вот дойду до ближайшего "Эр Франс", возьму билет и улечу куда угодно. Что я это могу, не только потенциально — реально. Из того, о чем мы говорили, я понял, что это ощущение у тебя тоже присутствует. Как давно оно появилось?

Б.Г.: Я думаю, что с Лондона, с 90-го года. Мне очень повезло, что мне выпал год жизни в Англии — я перешел на мировое время.

В.Г.: И это ощущение не должно утрачиваться потом.

Б.Г.: Оно никогда не уходит. Только острее после этого воспринимаешь то, что является нашей бедой, эту нашу местечковость. Это меня бесило и продолжает бесить. Озлобленность местечковая, проблематика местечковая.

Теперь вопрос, как поддержать свое "мировое имя". Мне это проще, у меня друзей много по миру раскидано, и у меня деньги есть. Я могу задаться целью, например, поехать в Непал. Заработать денег и поехать. А там жизнь дешевле, чем здесь, ну, в десять раз.

В.Г.: А за эти три года играла группа где-то помимо России?

Б.Г.: Мы играли в Израиле, — маленький турчик такой, четыре города (а до этого мы там играли еще вторым); мы ездили в Стокгольм, к друзьям, и играли для друзей. И больше, по-моему, как группа, мы никуда не ездили.

В.Г.: То есть это "мировое время" оно подразумевает причастность, скажем так, профессиональную, или это просто ощущение совсем иного рода? Вращение в кругу идей, людей, событий...

Б.Г.: Для меня это скорее имеет отношение ко второму: ты живешь в Москве, или Петербурге, или Самаре с ощущением того, что да, ты можешь сесть и оказаться через два часа в Париже. Ты не в отрыве от всего остального мира. Тебе есть, что делать в нем, тебе в нем интересно.

НО ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАЕТСЯ СОБОЙ

занными с музыкой, но странными.

Для того чтобы рассказать, что я имею в виду, просто нет времени, потому что это очень много времени займет. Самая простая вещь: те, кто посвящены в определенные вещи, знают, что сквозь музыку Хендрикса проходят одновременно три-четыре потока времени. Я приблизительно представляю себе, как это делается, но мне это хочется испытывать самому. Как конкретно эти вещи делаются. И есть еще пара-тройка идей, которые с этим многовременным полем можно совмещать. Это ужасно интересно, такие пространства создавать.

И это будет делаться не на песенной основе, как, скажем, это было с "Костромой". Как раз я хочу идти от музыкального пространства, посмотреть, что из этого может выйти. Потому что из этого тоже иногда что-то выходит.

В.Г.: Есть ли студия? Как это технически будет происходить?

Б.Г.: Есть пока очень маленькая и очень плохонькая студия, откуда нас гонят с ужасающей силой, — на Фонтанке, — там, где мы записывались. Я боюсь, что нас оттуда прогонят очень скоро. Это значит, что к концу лета мы начинаем пытаться строить свою студию...

— Студию "Акваариума"?

Б.Г.: В общем, да. То есть общую с теми, с кем мы сможем работать беспрепятственно и столько, сколько нам будет угодно. Дело в том, что люди, которые покупают свою студию, больше ничего, как правило, не записывают...

— Но у "Роллинг стоунз" была своя студия неплохая.

Б.Г.: Да, да, у Маккартни тоже... Но пока рано об этом говорить. Надо начать это делать...

Пока что мы завершили гастроли. С Россией мы разобрались. Три года это была жизнь в дороге.

В.Г.: Не казалась ли эта жизнь легкой по сравнению с той, что была прежде?

Б.Г.: Не очень... Ну, посудите сам, бывать дома по 5-6 дней в месяц, все

Б.Г.: Ничему, я и так это умел.

В.Г.: А что дали?

Б.Г.: Еще больше удовольствия, чем я считал возможным. Я Россию увидел. Раньше я ее не видел. И могу сказать, что мало кто ее видел так.

В.Г.: Тебя принимали как звезду, как кумира?

Б.Г.: Культовый момент был раздут советской прессой, особенно с 87-го по 88-й год, а потом я свалил в Штаты — и все.

В.Г.: Но когда ты вернулся, тебя не раздражали яростные попытки свалить твой авторитет, разговоры о том, что Гребенщиков стар...

Б.Г.: Это проблемы тех, кто так говорит. Меня это не травмирует, потому что у нас так много дел интересных, что было немножко не до этого.

В.Г.: А что касается разных императивов времен "подполья", от которых "Акваариум" "отресся"?

Б.Г.: Андеграунд тоже был придуман, в большой степени подпольной нашей журналистикой, Гурьевыми всякими. Подполье советское... Какое, к чертовой матери, подполье? Мы пытались заниматься музыкой, нам не давали. К подполью это не имело ни малейшего отношения. Если бы нам тогда дали стадион, мы бы и тогда играли на стадионе. Это было бы более здорово. А подполье существует для бездарных людей, которые на этой волне заявляют: "Я из подполья... Я не умею играть, потому что я из подполья... Я не хочу уметь играть, потому что я из подполья". Вместо того, чтобы честно сказать: "Я хотел бы научиться играть, но, к сожалению, я настолько бездарен, что, кроме как материться из подполья, я ничего не умею".

"Акваариум" никогда не был в подполье. Менты нас вязали, это да, но в подполье мы никогда не были, потому что ориентировались... даже не на музыку, а на собственное удовольствие. Тогда мы играли как "стоунз", и теперь мы играем как "стоунз". Как тогда мы слушали Брайэна Иноу, так и теперь, разницы никакой. Иноу, "Кокто Твинз", музыка — мы с этим связаны,

Б.Г.: Да, это Брайан, он такой. Я себя к рассказчикам не отношу, и в целом с ним не согласен, хотя мне очень нравится эта идея. Шевчук, может быть, в какой-то мере рассказчик. Петья Мамонов рассказчик, хотя он актер все-таки. Себе я не стану пытаться найти какое-то определение...

С.К.: Теперь о культовости. У нас сейчас есть культовые группы?

Б.Г.: "Гражданская оборона".

С.К.: По каким же признакам?

Б.Г.: Понимаешь, у нас ведь что такое культовая группа? Это группа для поклонения. "Акваариум" все-таки ориентирован на поп-музыку на самом деле, если исходить из определения поп-музыки 64-го года, когда еще Donovan был поп-человеком, хотя по теперешним определениям он, конечно, культовый человек. Психоделия, цветочки, туда-сюда... А при этом он был "поп". И даже "Имперал стрит бэнд" был поп, хотя культовее их вряд ли что-то придумаешь. Они выпустили три главных альбома 67-го года: Donovan, "Битлз" и "Имперал стрит бэнд".

А культовые группы позже появились на самом деле...

В.Г.: Какая-то есть развилка в определенном возрасте: либо человек занимается своим маленьким делом, либо ему надо тянуть на суперзвезду и поднимать такие тяжелые проекты, как "Роллинг стоунз".

Б.Г.: Я вспомню, например, Питера Гэбриела. Где развилка? Он делает свое дело. Игги Поп? Делает. Боуи? Мик Джемгер: последний альбом лучше, чем все, что "стоунз" делали за последние десять лет.

С.К.: А что вообще из последнего ты слушаешь — в смысле не рок, а вообще.

Б.Г.: Я как раз сегодня утром случайно нашел "Primitive Cool" Джемгера и слушаю. Плохой, кстати, альбом. Все вещи приятные, но недотянутые... Так вот, слушаю я Томма Петти во первых "Cocteau Twins" по необходимости слушаю — потому что, кого еще слушать, как не их? Это все я пере-

лись и бегут в разные стороны?

Б.Г.: Я думаю, что все бегут в разные стороны и в этом кайф. Хотя то, что Том Петти и "Traveling Wilburies" сделали в 90-м году, казалось, и есть "завод" музыки 90-х. И Джемгер начал писать очень ясные и лиричные песни, и психоделия вся вернулась. И вообще появилось много открытой, ясной, чистой музыки. Джемф Линн: он пропал без вести, а пластинка изумительная. Эта линия мне кажется кардинальной, и это единственное, что меня интересует.

С.К.: То есть все-таки есть какой-то общий шаг?

Б.Г.: По-моему, да. Даже "Cocteau Twins" перешли на какой-то позитив. Последние две пластинки откровенно развернуты в эту сторону. То есть, в принципе для меня все это очень интересно, потому что похоже на 65-66-е годы. На другом витке.

В.Г.: За исключением того, что в музыке проявились очень мощные, разрушительные силы. Агрессия всегда была в роке, но сейчас мы имеем дело с агрессивностью совсем другого порядка. Это музыка технологическая, бесчеловечная, как бензопила.

Б.Г.: Это появилось, да. Но все, конечно, зависит от человека. Потому что я тоже думал, что компьютер — это абсолютная лажа, а потом посмотрел на "Юритмикс" и понял, что нормально, они с ними справляются. Д.Гарсия в свое время говорил, что если позволить технологии собой управлять, то это засада. А если использовать ее как игрушку — все отлично. И если смотреть в шестидесятые, то в Штатах, помимо той психоделии, которая была на поверхности, было много всяких безумцев, которые были достаточно деструктивны. И я общался со многими молодыми ребятами в Америке, которым сейчас лет по двадцать, и при том, что они слушают всю эту чушню, они абсолютно здоровые люди. Там смесь: все абсолютно искренни, и при этом все это с абсолютной иронией. И в общем, все это преподносится, как коан: разгадаешь —

УСЛЫШАТЬ, НАС УСЛЫШАЛИ

Пресс-конференция
в зале "Сатирикон"
21.05.94

ликом от этого отказываюсь я не получал для этого полномочий...

— Она вам навязана, может быть, внешним окружением каким-то или все-таки это идет изнутри?

Б.Г.: Нет, я серьезно отношусь к этому понятию, я достаточно хорошо знаю, что это такое, и я не получал на это полномочий и целиком от этого звания, подчеркиваю, отказываюсь. Я могу поделиться тем, что я знаю, но не больше.

— Какая для вас лучшая аудитория — стадион, или все-таки театральный зал более камерный?

Б.Г.: Самое смешное, что стадион. У нас сейчас, по-моему, слишком мощный звук для театрального зала. Хочется, чтобы он сметал... ну, если не стены, то хотя бы отдельные архитектурные детали.

— У вас есть масса стихов, которые нигде не издавались, разве что в самиздате.

Б.Г.: Нет, у меня нет ничего, что я хотел бы издать, помимо того, что было издано в сборнике "Четырнадцать". Все остальное я... постарался уничтожить.

— Зря.

Б.Г.: Своя рука владыка.

дали повод для этого.

— В свое время вы "открыли" Виктора Цоя, а потом вас заинтересовала группа "Адо". Есть ли сейчас что-нибудь столь же интересное?

Б.Г.: Последнее хорошее, что я слышал после всех людей, которыми я интересовался — их было трое-четверо, включая Цоя, — это был Сережа Чикарев по прозвищу "Чиж", который играл в "Разных людях", а теперь переселился в Петербург. Что он будет делать? Потому что он для меня представлял очень большой интерес.

— А Летов и "Гражданская оборона"?

Б.Г.: Я считаю, что это глупые люди. Глупые люди, потому что они тратят свою энергию и свой очень большой, по-моему, творческий потенциал. Потому что я считаю Егора очень талантливым че-

ловеком. Но когда у человека все песни, песня за песней, альбом за альбомом — все про то, что мы все в говне, то я считаю, что это не самое интересное, что можно сказать. И не самый интересный метод проводить свою жизнь. Потому что можно осознать, что может быть, в голове у него, а не все вокруг — говно. У каждого человека есть выбор: считать, что говно внутри себя или снаружи. Когда снаружи — то с ним нужно бороться, его уничтожать, и при этом желательно загубить столько жизней, сколько возможно. А когда допускаешь, что говно внутри — приходится бороться только с самим собой. Для начала.

— Скажите, роль гуру, которую сейчас вы исполняете в большей или меньшей степени...

Б.Г.: Вы знаете, я не гуру, я не учитель, я це-

оказать какое-нибудь влияние. В том смысле, что полно дурочку валять, пора делом заниматься.

— Кого у вас больше сейчас — поклонников или противников?

Б.Г.: Я не имею на этот счет никакого мнения, потому что не мое дело считать поклонников и противников. И само слово "поклонники", по-моему, чудовищно. Я считаю, что то, что люди испытывают, когда мы играем, делается людьми. Просто, когда мы играем концерт, все то хорошее, что с нами происходит, это их собственные хорошие чувства. Ошибка говорить, что мы это сделали. Мы ставим зеркало, в котором они отражаются в своем лучшем виде. И то же самое с записями. Потому что они эти записи напугали своей хорошей энергией. Это, в общем, то лучшее, что есть в них. То, почему они радуются. А мы просто